

Оригинальная статья / Original article

УДК 94

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-200-210>

Политические настроения крестьян Приангарья в 1920-е годы

© В.В. Иванов

Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского, п. Молодежный, Иркутский район, Иркутская область, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются политические настроения крестьянства Приангарья с момента восстановления Советской власти и до начала коллективизации. Последовательно анализируются причины недовольства крестьян, социальный протест и изменения в настроениях сельского населения Приангарья в связи с корректировками политики властей. Показано, что продразверстка и мобилизации вызвали массовое недовольство Иркутского крестьянства, которое вскоре привело к крестьянским восстаниям в ряде уездов и возникновению повстанческих отрядов, которые силами местных карательных отрядов были ликвидированы. Замена продразверстки на продналог и восстановление свободной торговли не изменило всерьез отношения крестьян к политике большевиков. Только замена продналога единым сельскохозяйственным денежным налогом уменьшила градус негодования земледельцев, так как позволила им начать восстанавливать свое хозяйство. Дальнейшие уступки властей в ходе реализации курса РКП(б) «Лицом к деревне» встретили позитивный отклик со стороны крестьян, острота социального протеста была сведена к минимуму, повстанческое движение было фактически ликвидировано. Однако это далеко не полностью удовлетворило селян. Крестьянство было недовольно высокими налоговыми ставками, ненормальной работой кооперации, злоупотреблениями в советском административном аппарате. Наибольшее недовольство испытывали зажиточные слои, на которых ложилась вся тяжесть налогового бремени. Возврат классовой политики и начало свертывания НЭПа вновь вызвали массовый социальный протест крестьянства.

Ключевые слова: Иркутская губерния, командно-административные меры, крестьянство, налоговая политика, недовольство, политические настроения, продразверстка, сельское хозяйство, социальный протест, Советское государство

Информация о статье: Дата поступления 10 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Иванов В.В. Политические настроения крестьян Приангарья в 1920-е годы. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 200–210. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-200-210.

The political mood of the peasants of Angara region in the 1920s

© Vyacheslav V. Ivanov

Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny settlement, Irkutsk district, Irkutsk region, Russian Federation

Abstract: The article examines the political sentiments of the peasantry of the Angara region in the period from the moment of the restoration of Soviet power to the beginning of collectivization on the basis of a wide range of sources. The reasons for the discontent of the peasants, social protest and changes in the moods of the rural population of Priangarie in connection with adjustments of the authorities' policy are consistently considered. It is shown that the surplus and mobilization in the Red Army caused widespread discontent of the Irkutsk peasantry, which soon led to peasant uprisings in a number of counties and the emergence of insurgent detachments, which were eliminated by local punitive detachments. Replacing the surplus "prodnaolog" and the restoration of free trade did not seriously change the attitude of the peasants to the policy of the Bolsheviks. Only the replacement of the "prodnaolog" with a single agricultural monetary tax reduced the degree of indignation of the farmers, as it allowed them to start rebuilding their farm. Further concessions of the authorities during the implementation of the course of

the RCP (b) "Facing the Village" were met with a positive response from the peasants, the severity of social protest was minimized, the insurgency was virtually eliminated. However, this far from completely satisfied the villagers. The peasantry was dissatisfied with high tax rates, the abnormal work of the co-operatives, as well as abuses in the Soviet administrative apparatus. The wealthiest strata of the village experienced the greatest discontent, on which the entire burden of the tax burden fell. The return of the class policy and the beginning of the collapse of the NEP again caused a massive social protest of the peasantry. Instead of making concessions and establishing a normal dialogue with the peasants, the Bolshevik authorities switched to reorganizing the village on a command and administrative basis.

Keywords: Irkutsk Province, command-administrative measures, peasantry, tax policy, discontent, political sentiment, surplus, agriculture, social protest, Soviet State

Article info: Received December 10, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Ivanov V.V. The political mood of the peasants of Angara region in the 1920s. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 200–210. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-200-210.

В последние годы тема социального протеста крестьян в период установления и утверждения Советской власти как реакции на большевистскую политику в отношении сельского хозяйства привлекает все большее внимания исследователей. Историки отошли от идеализации эпохи НЭПа, теперь оценки ученых стали более взвешенными. Огромное внимание уделяется продовольственной и налоговой политике большевистских властей. В ряде исследований подробно затронута проблема реакции крестьянского населения на политику большевистских властей, затрагивается и тема вооруженного крестьянского протеста (Новиков, 2005. С. 288–289). По мнению И.В. Ефремова, социальный протест, недовольство крестьян, вплоть до массовых восстаний были единственным способом «достучаться до властей» и обратить их внимание на пагубность проводимой политики¹.

Тема политических настроений крестьянства, социального протеста находит свое отражение и в исследованиях зарубежных историков (Radkey, 1963. С. 154; Conquest, 1968; Lewin, 1968; Atkinson, 1983; Nove, 1992; Siegelbaum, 1992; Пайпс, 2005. С. 99). Например, А. Грациози считает, что весь пе-

риод, начиная от прихода большевиков к власти до конца коллективизации, – был одним сплошным противостоянием Советской власти и крестьянства, неслучайно его очерк носит название «Великая крестьянская война в СССР 1917–1933 гг.» (Грациози, 2008). Большими сериями публикуются обширные сборники документов (Совершенно секретно, 2001–2007; Трагедия советской деревни, 1999–2006).

Восстановление большевистской власти в 1920 году населением Иркутской губернии было встречено спокойно. На местах формировались новые органы власти, на сельских сходах и общих собраниях выбирали членов ревкомов, принимались резолюции по поводу новой политики. Многие крестьяне с воодушевлением восприняли новую власть, надеясь на то, что она будет способствовать улучшению их уровня жизни.

В феврале – марте 1920 г. была введена продразверстка, ее проведение осуществлял Иркутский Губпродком совместно с кооперацией. Поначалу проведение продразверстки носило мягкий характер, поскольку Иркутская губерния считалась прифронтовой территорией, кроме того, у местных властей еще не был в достаточной мере создан заготовительный аппарат. Как отмечает Х. Галузин: «Продработники практиковали созыв волостных и сельских собраний. На этих собраниях продработники агитировали крестьян за скорейшее выполнение разверсток. Обычным ответом населения, судя по докладом Райпродкомов, была резолюция «вы-

¹ Ефремов И.В. Антибольшевистские крестьянские выступления в Иркутской области и Красноярском крае в 1918–1933 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 28 с. / Efremov I.V. Anti-Bolshevik Peasant Actions in the Irkutsk Region and the Krasnoyarsk Territory in 1918–1933: Abstract. dis. ... Cand. Science (History). Irkutsk, 2008. 28 p.

полнять по мере возможности» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1 Д. 553. Л. 5–6).

В августе 1920 г. находящийся на съезде Балаганских уездных волревкомов представитель Иркутского Губревкома зафиксировал следующее: «Население Усть-Удинской, Малышевской, Масляногорской, Светлолобовской, Успенской волости удовлетворительно, пассивно или доброжелательно настроено по отношению к Советской власти. Жители Осинской волости настроены антисоветски, в Евсеевской волости настроения антисоветские, жители отказываются выполнять разверстки, «действуют отряды «белых» 15–20 человек», «в Тыретской волости большая часть населения настроена не в сторону Советской власти, высказано пожелание убрать ее путем перемещения, имеются бродячие шайки белых, разверстки проходят туго» (ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 472. Л. 1–2).

20 июля Советским правительством был принят декрет «Об изъятии хлебных излишков Сибири», который обязывал земледельцев сдать хлебные излишки прошлых лет. «Всех тех, кто отказывается выполнить декрет, согласно документу, будут наказывать конфискацией имущества и заключением в концлагеря» (Декреты Советской власти, 1978. С. 240–243). С сентября 1920 г. начинается насильственный период проведения продразверстки, вся заготовительная работа сосредотачивается в руках Губпродкома. Всего существовало более 30 видов разверстки. Для осуществления продразверстки создаются продотряды из частей ВОХР и заградительные отряды, для недопущения бегства крестьян в города (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 553. Л. 6 об.).

В связи с этим по всей губернии наступают массовое недовольство крестьян большевистской властью. Крестьяне возмущены тем фактом, что у них насильственно изымают с трудом выращенный урожай. Однако настроения населения региона не было однородным и колебалось в зависимости от территории.

В октябре 1920 г. начальник губернского управления милиции составил отчетный лист о настроении населения. В этом документе отмечалось, что наиболее благоприятное отношение к

Советской власти наблюдалось в Нижнеудинском уезде, поскольку на этих территориях проходила партизанская война против власти Колчака и в этом уезде проживают крестьяне-переселенцы. В отчетном листе сказано «все трудовое крестьянство, кроме кулаков к советской власти относится сочувственно. Однако к разверстке крестьяне относятся небрежно, так как натравливаются кулаками – «вот где разверстка, а для кого, для коммунистов», но с помощью агитаторских сил разверстки выполняются. Население считает, что тактика продовольственной политики выбрана правильная» (ГАИО, Ф. Р-42, Оп. 1. Д. 480. Л. 19).

По другим уездам настроение было иным. В отчетном листе сообщалось, что население Иркутского, Селенгинского уездов, Эхирит-Булагатского аймака в первые месяцы было настроено революционно, но после начала массовых реквизиций, осуществления продовольственной политики, а также наложения на крестьян ряда повинностей отношение к Советской власти изменилось и у большей части крестьян стало откровенно враждебным. Автор видел причины этого явления в темноте крестьянских масс, их слабой политической сознательности, плохой работе советского агитационного аппарата, а также в частнособственных инстинктах крестьян (ГАИО). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 480. Л. 21–23). В Балаганском уезде, где проживали в основном старожилы, местные крестьяне были повсеместно недовольны властью большевиков. Начальник губмилиции отмечал, что в уезде были случаи отказа от проведения разверсток, а спекуляция процветала на каждом углу, борьба с дезертирством также не имела успехов (ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 480. Л. 20). Выборы в советы, прошедшие осенью 1920 г., не изменили отношения крестьян к правящим властям, поскольку в большинстве случаев победили коммунисты, а многие граждане были лишены избирательных прав.

В октябре 1920 г. недовольство крестьян советской политикой достигло пика. Непосильная и насильственная продразверстка, массовые мобилизации вызвали массовые крестьянские восстания в Балаганском, Черемховском и Верхоленском уез-

дах. На их подавление были посланы отряды местной милиции и регулярные части РККА. Советские чиновники в этот раз также считали, что причиной восстания является отсутствие какой-либо политической работы в уездах, недостаточно энергичной партийной агитации, которая якобы способна была убедить крестьян в правильности проведения разверстки (Шишкин, 2000. Т. 1. С. 574). Недостатки самой продразверстки партийные работники видеть отказывались.

После подавления крестьянских восстаний повстанцы разбились на мелкие группы и начали вести партизанскую войну против Советской власти. Борьба с ними не приносила серьезных успехов. Благодаря усиленному нажиму большевистскими властями удалось собрать необходимый им хлеб и почти полностью выполнить план продразверстки.

В начале 1921 г. враждебное отношение крестьян к Советской власти было накалено до предела. Помимо разверстки, трудовой и военных мобилизаций крестьяне были глубоко возмущены творившейся бесхозяйственностью на территории губернии, так как в советских учреждениях наблюдалась нераспорядительность, волокитство, медлительность, зачастую принимались неразумные решения.

Крестьянство было также неудовлетворенно товарообменом с городом. Сводки Губчека марта 1921 года сообщали: «Основные требования, которые крестьянин предъявляет городу – поставки мануфактуры. Однако в силу всяческих тормозов она выдаётся туго – и это особенно возбуждает крестьян. Громадный шум наделал в Черемховском и Балаганском уездах следующий факт: Губсоюзом была прислана долгожданная и обещанная крестьянам кожа, но когда вскрыли ящики, то оказалось, что кожа горелая, в виде мелких обрезков и кусков, совершенно негодная. Этот факт воспринимается крестьянством, как издевательство над ними» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 104).

В марте 1921 г. продразверстка была официально отменена и заменена на продналог. Размер продналога составлял 68 % от разверстки, земледельцы получили право торговать излишками сво-

его труда на рынке, так как согласно новому указу была введена свободная торговля. Местная пресса в радужном свете описывала достоинства этого нововведения (Власть труда. 1921. 18 марта).

Однако переход к продналогу не привел к кардинальному изменению настроения крестьян в пользу Советской власти. Крестьянство возмущали повышенные ставки продналога, многие земледельцы относились к декрету недоверчиво, помня отмененную разверстку. Некоторые селяне высказывали мнение, что декрет о свободном товарообмене и продналоге это не более, чем уловка, призванная заставить крестьян засеять больше, некоторые крестьяне полагали, что осенью вернется разверстка. В свободной торговле также крестьянство не видело облегчения для себя, так как разрешение продавать хлеб отнюдь не означало возможность купить на него что-либо, поскольку ассортимент товаров на рынке был крайне небольшой, нормальных фабрикатов не было, в лучшем случае можно было приобрести старые рубахи. На разъяснения инструкторов о продналоге крестьяне отвечали: «Улита едет, да когда-то будет, а мы босиком и раздеты, много уже мы слышали рассказов, да дела то видели мало» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 18).

Летом 1921 г. ситуация существенно не изменилась. Население по-прежнему враждебно относилось к продналогу. На беспартийном съезде бурят Ангарского аймака, где подробно разбирался налог, большинство делегатов заявило – продналог является такой же тяжестью как развёрстка. Советские органы констатировали факт повсеместного обнищания крестьян в сельхозинвентаре и других вещах (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 104).

В связи с большим наплывом беженцев из голодающих регионов Поволжья на территорию Приангарья население начало выражать недовольство их размещением, мотивируя это своим тяжелым экономическим положением. Наибольшее недовольство размещением беженцев проявляло бурятское население. Масло в огонь подливали непрекращающиеся бесчинства войск. Так, в Черемховском уезде красноармейцы вырывали овощи, травили хлеб, когда потерпевший обращался с

жалобой к комсоставу, его арестовывали. Составители сводок признавали, что даже беднота сочувствия к Советской власти не проявляет (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 88). Только осенью 1921 г. после репрессивных мер в отношении неплательщиков и нажима властей продналог начал собираться во время (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 62).

В начале 1922 г. положение крестьянства оставалось тяжелым в связи с выполнением продналога и иных повинностей. Наложение на крестьян дополнительных видов продналога, в частности, мяса и масла еще больше их озлобляло против властей, воспринималось нередко как второй налог, земледельцы говорили, что «до тех пор, пока не исчезнет Советская власть, они не избавятся от подобных обирательств». Наложение налогов на скрытые объекты обложения тоже воспринималось многими селянами как новый дополнительный вид налога. По этой причине продвижение белых войск на Дальнем Востоке приводило к появлению слухов о занятии Читы и Иркутска, а известия о занятии каппелевцами населенных пунктов горячо обсуждалось, многие крестьяне заявляли о непризнании Советской власти. В ответ на репрессивные меры при взимании продналога крестьяне отвечали, что «при Колчаке жилось лучше, и тогда сажали в тюрьму только воров и разбойников, а не мирно живущих крестьян» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 10).

Коммунистам удалось убедить многих крестьян отдавать пожертвования хлебом в пользу голодающих жителей Поволжья. Одна ячейка убедила крестьян принять к себе 800 детей беженцев. Однако крестьяне были недовольны тем фактом, что многие продукты, собранные для голодающих, продолжали лежать на сыпных пунктах, а не отправлялись по месту назначения. В Верхоленском уезде распускались слухи о том, что голод в Поволжье это выдумка коммунистов с целью еще больше ограбить крестьян (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 76).

В марте – апреле 1922 г. сбор продналога завершился, и крестьяне немного успокоились. Однако спокойствие населения продолжалось недолго.

В конце апреля 1922 г. по губернии устанавливался налог на молочные продукты. Этот налог должен был взиматься с крестьянских, коллективных и приписанных к предприятиям хозяйств, имеющих коров, а также к отдельным владельцам коров, где бы эти хозяйства и их владельцы ни находились (Власть труда. 1922. 12 мая). В это же время власти начали взимать и общегражданский денежный налог.

Сводки ОГПУ зафиксировали массовое недовольство крестьян в связи с началом взимания общегражданского и масленичного налогов. Поскольку у большинства населения наличных денег было очень мало, то земледельцы видели в общегражданском налоге еще один способ выкачивания средств и обирания их, многие домохозяева просили партийные органы отсрочить сбор налога. Что касалось масленичного налога, то крестьяне считали его норму 7 фунтов с коровы очень высокой, выполнение которой равносильно дальнейшему разорению хозяйства. В Селенгинском уезде после известия о введении новых налогов крестьяне начали рассуждать таким образом: «Когда коммунисты вводили продналог, то говорили, что никаких налогов больше собирать они не будут, но, несмотря на свои обещания, периодически продолжают объявлять все новые и новые налоги, от которых крестьянству нет покоя, и собирают не только с хозяйства, но уже и с жён и детей» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 148).

Протест стал выражаться в оригинальных формах. Так, например, в Тулуне во время первомайской демонстрации на встречу шествию красноармейцев с красными флагами неизвестными была выпущена свинья с красной повязкой, которую увидев, толпа кричала «бей, стреляй» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 142). Высказывать недовольство, распространять антисоветские слухи и проводить антисоветскую агитацию начинали даже председатели Волиспокомов, их заместители и секретари. Члены Тыретьского Волисполкома на сельском собрании заявили: «Коммунисты нам говорят, что Николай II был кровавый, а что делают теперь они сами, пьют у нас последнюю кровь, отбирают все, что только могут. Если мы не даём

хлеба на голодающих, то это к лучшему. Скоро придёт время, когда прогонят эту свору, так как уже Николай Николаевич и Михаил идут на Москву с войсками» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 148).

Летом 1922 года положение крестьян Приангарья значительно ухудшилось в связи с наступившим продовольственным кризисом и началом голода на ряде территорий. В Киренском уезде многолюдные толпы голодающих крестьян осаждали Волисполкомы и склады с продовольствием, в Иркутском уезде население питалось суррогатами, в Нижнеудинском уезде отмечалось разграбление складов. В Иркутском уезде в Больше-Жилкинской волости фиксировались случаи голодной смерти (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 174). Только с началом уборки урожая осенью 1922 г. голод прекратился.

В январе 1923 г. В сводке ОГПУ о политическом состоянии Иркутской губернии сообщалось, что настроение крестьян по губернии было в целом спокойное, за исключением беднейшего населения, положение которого из-за выполнения продналога и недостатка хлеба ухудшилось. Волна массового недовольства прокатилась и в связи с принятием нового Земельного Кодекса РСФСР, согласно которому крестьяне лишались права бесплатного пользования общественными лесами, которые они считали своей собственностью.

Тем не менее в сводке отмечалось, что в целом по губернии настроение крестьян было спокойным за исключением Балаганского уезда, население которого, по словам составителя сводки, по-прежнему оставалось враждебным по отношению к коммунистам и всячески поддерживало повстанцев (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 30).

10 мая 1923 г. ВЦИК и СНК СССР выпустил декрет «О едином сельскохозяйственном налоге». Согласно этому декрету отменялись множественные формы налогов и устанавливался единый налог, который в Иркутской губернии начал первым по Сибири уплачиваться в денежной форме.

На этом насильственная политика выколачивания хлеба с крестьян временно прекратилась. Положение земледельцев в значительной мере облегчилось. 1923 год выдался урожайным, сель-

ское хозяйство по всем показателям начало восстанавливаться быстрыми темпами. Однако о полном удовлетворении крестьян новой политикой говорить не приходилось. В силу нехватки денег у крестьян и слабо развитой торгово-закупочной сети цены на сельхозпродукцию резко снизились, для того чтобы получить денежные средства, крестьяне вынуждены были продавать скот за бесценок. В связи с этим сельское население продолжало выражать недовольство, жители Тулунского уезда говорили: «Пусть нас расстреливают, а платить вновь объявленные денежные налоги не будем», «Советская власть обманывает, как не обманывало царское правительство», «Налогам задавили» (Доржиев, 1993. С. 21). В Усть-Удинской волости овчинник Николай Туринцев в разговоре о ценах на хлеб выразился так: «Пускай мне башку открутят, если хлеб будет стоять в одной цене, как пишут в газетах и как разъясняют крестьянам» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 4).

В Тулунском и Балаганском уездах в 1923 г. случилась засуха. В Селингинском уезде голодающее население питалось травой, а скот был уничтожен, в Балаганском уезде отмечались случаи паники, выразившиеся в большой распродаже скота и в массовом выселении из уезда, в Губземуправление поступало 20–30 заявлений в день с просьбами о выселении. Ситуация улучшилась только после начала уборки урожая (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 105–108).

В конце 1923 – начале 1924 г. местные власти предприняли меры по расширению торгово-закупочной сети вместе с заготовительными организациями, это позволило к весне 1924 г. поднять закупочные цены на хлеб. В этот же период государство активно поддерживало крестьянство кредитованием, восстановлением старого и регулярными поставками нового сельхозинвентаря. Эти указанные меры позволили существенно поднять сельское хозяйство региона, которое продолжило восстанавливаться быстрыми темпами (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 553. Л. 3).

Настроение крестьянства стабилизировалось. Повстанческое движение резко пошло на убыль, основные лидеры повстанцев в 1923–1924 гг. были

ликвидированы, сохранялись лишь мелкие разрозненные отряды. Во всех сводках сообщалось о том, что настроение население спокойное удовлетворительное, отдельные вспышки недовольства продолжались на почве обременительности налоговой кампании, недостатков советских учреждений и кооперации, а также из-за партийного контроля над советами и не допуска в них зажиточных крестьян.

В 1925 г. политика либерализации продолжилась. ВКП(б) перешло к осуществлению курса «Лицом к деревне». Было снижено более чем на 2/5 налогообложение по сравнению с 1924 г. Существенно были подняты закупочные цены – на пшеницу на 19 %, на рожь 42–50 %. План хлебозаготовок был полностью выполнен. Сельское хозяйство быстрыми темпами восстанавливалось и по большинству показателей в скором времени достигло уровня 1917 г. (Миротворцев, 1925; Трелин, 1926. С. 12–13; Яровой, 1926).

После этого в настроениях крестьянства наступил кардинальный перелом. Острое раздражение и недовольство налоговой политикой спало. Земледельцы позитивно восприняли новую политику государства. Сводки фиксируют резкую перемену настроений. Крестьянин П. Петухов в с. Иреть заявил: «Вот чудно советская власть делает, на меня и на других таких же навалила гору сельхозналога, а потом сбросила, и я платил таких же 10 рублей, лучше б сразу сбросила и я бы сразу уплатил. А за то, что налог снизила ей спасибо. Вероятно, власть учла положение крестьянства и сбросила налог по губернии на 45 % – ведь я давно говорил, что как только власть поближе познакомится с жизнью крестьянства, то сразу пойдёт ему навстречу». Зажиточный крестьянин села Братск Николай Калгин, бывший до этого яростным ненавистником Советской власти, после известия о снижении налога заявил: «Это Советская власть хорошо придумала, теперь действительно видно, что она идёт к нам навстречу». Отмечались и более теплые высказывания в адрес властей. Например, в деревне Зуево Верхолесенского уезда середняк П. Копылов заявил: «Дело прошлое, я думал, пока не стал читать газеты, что Советская власть для мужиков не подходя-

щая, но теперь видно, что она нам как раз подходит, потому что она действительно заботится и слушает внимательно всех, кто о нашей жизни говорит порядком» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 265–266).

Несмотря на такие серьезные уступки большевиков земледельцам, следует признать, что они в большинстве случаев носили номинальный характер. Снижение налога далеко не полностью удовлетворяло всем интересам земледельцев, сами по себе налоговые ставки по-прежнему оставались высокими и вызывали недовольство у многих крестьян. К тому же, помимо основного сельхозналога, на крестьян начинали накладывать взносы на страхование имущества и налоги на содержание школ и другие повинности.

Например, в Жигаловском волысполкоме от крестьян требовали платить за содержание гоньбы, на что сельсовет высказался против. Крестьяне Старковы заявили: «Власть обложила нас единым сельхозналогом, а между тем накладывает на общество и содержание школы, школьного сторожа, гоньбы и проч.». Крестьянин Ф. Нечаев в знак протеста кричал на собрании: «Нас обрадовали маленьким налогом, а если разобраться, то он ничуть не меньше прошлогоднего. Вынесено постановление: «От гоньбы отказаться». В с. Тутурском крестьянин Измайлов говорил: «Советская власть, собирая с нас налог, нам ничего не дает и принуждает нас содержать школы и больницы за свой счет. Неизвестно куда Советская власть девает налог, а учреждения сидят без дров и сторожей, налог, наверное, идет весь главкам на галифе и попадает в широкие карманы комиссаров» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 297).

Зажиточных крестьян глубоко возмущала классовая политика большевиков в этот период, когда вся основная тяжесть приходилась на крестьян кулаков, а с беднейших слоев населения вносили маленький налог, кроме того, Советская власть всячески поддерживала бедноту льготным кредитованием. В Тулунском уезде отмечались случаи, когда зажиточные крестьяне разъярялись остальным селянам, что коммунисты три шкуры содрать хотят, а налог платить заставляют. Для того чтобы

укрыться от налогообложения, крестьяне скрывали объекты обложения и призывали сокращать объемы производства (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 134). Власть, чтобы выявить скрытые объекты, активно проводила измерение земельной площади домохозяев. Крестьяне в ответ на это говорили: «Хорошо было при Царе – пашни не мерили, земли было наделено на каждую душу по 15 десятин. Нас хотят обмерить, пусть меряют, шиш найдут, ставили бы одинаковые ставки на десятину, не было бы укрывателей, а это грабеж один» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 360). Если же говорить о настроении середняка, то согласно сводкам ОГПУ, его настроение характеризовалось как колеблющееся – переходящее от доброжелательных настроений к враждебным и обратно (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 140 об.).

Многие крестьяне на подобную классовую политику большевиков говорили так: «Власть не тем помогает, которые развивают сельское хозяйство, а лентяям. Дает им льготы, сложенные по налогам, кредиты, они не заботятся об улучшении своих хозяйств (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 141). Налоговая политика никуда не годится. Одних освобождают совсем, а других валят непосильно, а потому мы принуждены скрывать объекты обложения (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 270).

Зажиточные крестьяне протестовали и против советской системы землеустройства, когда землю распределяли крестьянам равномерно, независимо от ее качества. В деревни Ново-Летники Зиминского уезда кулак Мордовцев заявил: «землю делить не надо, а нужны хутора». В ответ звучали возгласы недовольства: «Не будет этого! Если хотите выделяться, так на плохую землю и выделяйтесь, а хутора с хорошей землей вам не дадим». В принятой по вопросу о землеустройстве резолюции постановлено землеустройство произвести и землю распределить по ее качеству равномерно, то есть так, чтобы и хорошей и плохой земли досталось поровну» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821, Л. 267).

Помимо налоговой политики крестьяне недовольны были действиями советской потребительской кооперации, в которой ассортимент товаров был очень плохого качества, зачастую происходило

затоваривание неходовыми товарами, цены на товары были очень высокими, в ее действиях постоянно происходили перебои, поведение обслуживающего персонала оставляло желать лучшего. Кроме того, согласно многочисленным сводкам в кооперации процветали злоупотребления, связанные с многочисленными фактами растраты денежных средств. Все это вынуждало крестьянина обращаться к частным торговцам (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 136).

Глубокое возмущение населения вызывала неэффективная деятельность советских органов власти. В советских учреждениях постоянно происходили случаи халатного отношения чиновников к исполняемым обязанностям, царила бюрократизация, на решение разных вопросов уходило много времени. Отмечались случаи массовых злоупотреблений, денежные средства нередко расхищались, это вело к бесхозяйственности.

Тяжесть налоговой политики приводила к тому, что крестьяне начинали выражать недовольство городом, выражать зависть и ненависть к горожанам и рабочему классу. Так середняк Арбатский в Иркутском уезде говорил: «Рабочие пользуются 8-ми часовым рабочим днем, а их жены за новорожденного получают награду. Наши же бабы ничего этого не видят, им некогда и в праздник отдохнуть. Все они пользуются с крестьян» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 268).

Несмотря на то, что вся тяжесть налоговой политики приходилась на зажиточных крестьян, а беднота пользовалась от властей всяческой поддержкой, многие беднейшие крестьяне разорялись, уходили в наемные работники или покидали деревню. Недовольство бедноты в адрес зажиточных приводило к классовой борьбе. Последняя зачастую перерастала в анархические партизанские действия («красный бандитизм»), когда бедные крестьяне нападали на кулаков. Например, в 1926 г. в Зиминском уезде Заларинской волости, сочувствующий власти бывший партизан Выборов среди бедняков агитировал за необходимость физического истребления всех пособников зажиточных. Группа Выборова приезжала в Иркутск с хода-

тайством о выдаче оружия (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2201. Л. 316).

В скором времени политика властей снова ужесточилась. Такую политику С.А. Павлюченков иронично охарактеризовал как «спиной» к крестьянству (Россия нэповская, 2002). В 1926 г. стал еще больше применяться «классовый подход», согласно которому помощь оказывалась преимущественно беднейшим слоям населения, а зажиточное крестьянство попадало под жесточайший налоговый пресс. Теперь налогообложение стало полностью прогрессивным, бедняцкие хозяйства были совсем освобождены от налога, а с остальных селян взимали налог в зависимости от уровня дохода. Если раньше государство поддерживало высокие закупочные цены на хлеб, то теперь административными мерами рост цен сдерживается, устанавливаются так называемые «лимитные цены». Недовольство населения начало нарастать.

Осенью 1927 г. из-за низких закупочных цен крестьяне перестали продавать свой хлеб. Власти, вместо того чтобы создать селянам нормальные условия для торговли хлебом и пойти на уступки, обвинили во всех бедах зажиточные слои, которых большевики объявили саботажниками. В начале 1928 г. наиболее зажиточных крестьян стали привлекать к уголовной ответственности по 107 статье УК за «спекуляцию» (Нератова Л. 2002. С. 107).

Насильственные хлебозаготовки возмутили население. Крестьяне начали разоряться и сокращать производство. Середняк д. Ханжиново Иркутского округа говорил: «Видно мало нас обложили, так как опять начинают нажимать, но если только нас возьмут на прижим – придется размотать хозяйство и пускай тогда власть катается на бедняках» (Советская деревня глазами..., 2000. Т. 2. С. 753).

Весной 1929 г. государство возвращается к методам насильственного изъятия хлеба периода продразверстки. Каждая деревня обязана была выполнить план хлебозаготовок, в случае его невыполнения домохозяева должны были оплатить его в большом размере, вплоть до пятикратного. Начинается подготовка к коллективизации. Государство активно пропагандирует новый вид кре-

стьянских хозяйств и призывает селян в них поскорее вступать. Канун коллективизации привел к появлению неадекватных слухов и истерических рассказов о колхозах, крестьяне с ужасом ожидали введение новой системы. Появлялись невероятные слухи о том, что колхозники будут якобы спать под одним одеялом, что жены у них будут общие, что колхоз «сошьет одну ватную курточку на всю семью и заставит ходить в ней, как арестантов» и т. д. Мельница слухов производила и некоторые рецепты возможных способов сопротивления, например: «Зачем сеять, если всему скоро конец?» Раздавались порой довольно трезвые оценки и прогнозы: «В колхозе сидят на голодном пайке, а все излишки отбирает государство» (Фицпатрик, 2001. С. 59). Эти последние слухи вскоре окажутся справедливыми, осенью того же года начнется сплошная коллективизация.

Таким образом, можно прийти к выводу, что реализация насильственным способом изъятия продовольствия у крестьян в период военного коммунизма привела к аграрному кризису, вызвала массовое недовольство со стороны крестьян, породила повстанческое движение. Сопротивление крестьянства заставило власти пойти на уступки, в 1923 г. было снижено налогообложение, острота противостояния спала. В 1924–1925 г. либерализация продолжилась, налогообложение уменьшилось и приняло более цивилизованные формы, крестьянству стали оказывать помощь кредитованием, были подняты закупочные цены. Земледельцы позитивно оценили начало такой политики, но она далеко не полностью их удовлетворяла, поскольку ставки налога по-прежнему оставались очень высокими, кроме того, такая политика со стороны государства оставалась классовой. Возможно, если бы такая политика не изменилась, то крестьяне в скором времени смирились бы с существованием Советской власти. Однако вскоре власти вновь вернулись к командным методам управления сельским хозяйством и полной перестройке хозяйствования на социалистических принципах. Коллективизация вызовет вторую волну противостояния власти и населения, но это уже будет другая история.

Библиографический список

Власть труда. 1921. 18 марта.

Власть труда. 1922. 12 мая.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933 гг. РОСПЭН, 2008. 135 с.

Декреты Советской власти. М. : Изд-во политической литературы, 1978. Т. 9. 460 с.

Доржиев Д.Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30-е годы. (Хроника языком документа). Улан-Удэ, 1993, 82 с.

Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство Средне-Сибирского края и его перспективы // Предварительные материалы по районированию Средне-Сибирского (Лено-Байкальского) края. Иркутск, 1925. Вып. 6. 23 с.

Нератова Л. Коллективизация по-киренски // Земля Иркутская, 2002. № 3(20). С. 105–109.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 457 с.

Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками 1918–1924. М., 2005. 704 с.

Россия неповская / Павлюченков С.А., Орлов И.Б., Телицын В.Л. и др. Под ред. академика А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сборник документов в 10-ти томах / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук [и др.]. Москва : Институт российской истории Российской академии наук [и др.], 2001–2017. 656 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Под ред. А.Береловича, В.Данилова. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998–2012. Т. 1. 864 с.; 2000. Т. 2. 1164 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999–2006.

Трелин И.Ф. Экономическое состояние губернии в 1924/1925 гг. и перспективы на 1925/1926 гг. // Спутник

References

Vlast' truda [The Power of Labor], 1921, March 18. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1922, May 12. (In Russ.).

Graciosi A. *Velikaya krestyanskaya voina v SSSR. Bolshreviki i krestyane 1917–1933 gg.* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants 1917–1933]. ROSPEN Publ., 2008. 135 p.

Dekrety Sovetskoi vlasti. T. 9. [Decrees of Soviet Power. Vol. 9]. Moscow: Politicheskoi literature Publ., 1978, 460 p.

Dorjiev D.L. *Krestyanskie vosstaniya i myateji v Buryatii v 20-30-ee godi (Hronika yazikom dokumenta)* [Peasant uprisings and revolts in Buryatia in the 20–30s (Chronicle in the language of the document)]. Ulan -Ude, 1993, 82 p.

Mirotvortsev K.N. *Sel'skoe khozyaistvo Sredne-Sibirskogo kraja i ego perspektivy* [Agriculture of the Central Siberian Region and its prospects]. *Predvaritel'nye materialy po raionirovaniyu Sredne-Sibirskogo (Leno-Baikal'skogo) kraja* [Preliminary materials on the zoning of the Central-Siberian (Lena-Baikal) Territory]. Irkutsk, 1925, iss. 6, 23 p. (In Russ.).

Neratova L. Collectivization in a Cyrensk. *Zemlya Irkutskaya [Irkutsk land]*, 2002, no. 3(20), pp. 105–109. (In Russ.).

Novikov P.A. *Grajdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2005, 415 p.

Paips R. *Russkaya revolyuciya. Kn. 3. Rossiya pod bolshrevikami 1918–1924* [Russian Revolution. Book 3. Russia under the Bolsheviks, 1918–1924]. Moscow, 2005, 704 p.

Pavlyuchenkov S.A., Orlov I.B., Telicin V.L. *Rossiya nepovskaya* [NEP Russia]. Moscow: Nov. hronograf Publ., 2002, 468 p.

“Sovershenno sekretno” – Lubyanka – Stalinu o polozenii v strane – 1922–1934 gg. *Sbornik dokumentov. V 10 t.* [“Top Secret”: Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Collection of documents in 10 v.]. Moscow: Inctitut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2001–2017, 656 p.

Berelovicha A., Danilova V. *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4 t.* [Soviet village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vol.]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya Publ.; ROSSPEN, 1998–2012, vol. 1, 864 p.; vol. 2, 1164 p.

Danilova V., Manning R., Violi L. *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials. In 5 vol.]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 1999–2006. (In Russ.).

Trelin I.F. *Ekonomicheskoe sostoyanie gubernii v 1924/1925 g. i perspektivi na 1925/1926 g.* [The economic

по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск, 1926. С. 12–25.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 422 с.

Шишкин В.И. Сибирская Вандея. Документы. В 2 т. М.: МФ «Демократия», 2000. Т. 1. 664 с.; Т. 2. 776 с.

Яровой И.В. Экономика сибирской деревни. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1926. 63 с.

Atkinson D. The end of the Russian land commune, 1905–1930. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1983. 457 p.

Conquest R. Agricultural workers in the U.S.S.R. – London, Sydney etc. : Bodley Head, 1968. 139 p.

Lewin M. Russian Peasant and Soviet Power, L. 1968. 539 p.

Nove A. An economic history of the USSR, 1917–1991. London, England; N.Y., USA : Penguin Books, 1992. 473 p.

Radkey O. H. The Sickle under the Hammer: the Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N. Y. – L., 1963. 525 s.

Siegelbaum Lewis H. Soviet state and society between revolutions, 1918–1929. Cambridge England.; N.Y., USA : Cambridge University Press, 1992. xiii. 284 p.

Сведения об авторе

Иванов Вячеслав Владимирович,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории, Иркутский государственный аграрный университет им. Ежовского, п. Молодежный, Иркутский район, Иркутская область, Российская Федерация, e-mail: vyachivan@mail.ru

Критерии авторства

Иванов В.В. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет за статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

state of the province in 1924/1925 and the prospects for 1925/1926]. *Sputnik po gorodu Irkutsku i Irkutskoi gubernii* [The city of Irkutsk and the Irkutsk province guide-book]. Irkutsk, 1926, pp. 12–25. (In Russ.).

Ficpatrik Sh. Stalinskie krestyane – socialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e godi. *Derevnya* [Stalin peasants: the social history of Soviet Russia in the 30s. The village]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 2001, 422 p. (In Russ.).

Shishkin V. I. *Sibirskaya Vandeya. Dokumenti. V 2 t.* [Siberian Vendée. Documents. In 2 vol.]. Moscow: MF “Demokratiya” Publ., 2000, vol. 1. 664 p.; vol. 2. 776 p.

Yarovoii I.V. *Ekonomika sibirskoi derevni* [Siberian village economy]. Novosibirsk: Sibkraizdat Publ., 1926. 63 p.

Atkinson D. The end of the Russian land commune, 1905–1930. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1983. 457 p.

Conquest R. Agricultural workers in the U.S.S.R. – London, Sydney etc. : Bodley Head, 1968. 139 p.

Lewin M. Russian Peasant and Soviet Power, L. 1968. 539 p.

Nove A. An economic history of the USSR, 1917–1991. London, England; N.Y., USA : Penguin Books, 1992. 473 p.

Radkey O. H. The Sickle under the Hammer: the Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N. Y. – L., 1963. 525 s.

Siegelbaum Lewis H. Soviet state and society between revolutions, 1918–1929. Cambridge England.; N.Y., USA : Cambridge University Press, 1992. xiii. 284 p.

Information about the author

Vyacheslav V. Ivanov,

Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Sociology and History, Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny settlement, Irkutsk district, Irkutsk region, Russian Federation, e-mail: vyachivan@mail.ru

Attribution criteria

Ivanov V.V. carried out research work, made a synthesis based on the results obtained, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and is responsible for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.